наверное, автором моей жизни». Имея в виду то, что ни с кем из прочих авторов у меня не сложилось столь тесных и дружеских отношений — особенно в первые годы нашего общения, которое продолжалось в целом около десяти лет. И потому случайное известие (совсем недавно) о том, что Бориса уже нет, меня

просто потрясло. А начиналось все так...

Осенью 1993 года в Центрально-Черноземном издательстве с рукописью первой своей

Когда-то я написал: «Если книга Высоцкого «редакторски» стала книгой моей жизни, то Борис Бабкин (тоже «редакторски») стал,

книги под весьма претенциозным названием «Завещание на жизнь, на смерть, на деньги, на золото и на любовь» появился один из самых печатаемых и востребованных впоследствии российских писателей криминального жанра, а на тот момент только начинающий автор из города Грязи Липецкой области Борис Бабкин. В издательстве Бабкин «попал» на главного редактора Виктора Чекирова, а тот переправил его ко мне.

резкими, очень выразительными чертами лица, густой шапкой темных жестких волос, пронзительным, точно сверлящим собеседника взглядом черных глаз, весьма богатыми мимикой и

Борис был на четыре года старше меня, высокий, худощавый, атлетически сложенный, с

Борис Бабкин

жестикуляцией и... красноречиво «набитыми» кулаками. Вкупе с определенного рода лексиконом и хищно-настороженными движениями последнее явно свидетельствовало о том, что за плечами гостя очень насыщенное и неординарное прошлое. Плюс ко всему он прямо с порога предложил перейти «на ты», а минут через пять — использовать в речи ненормативные элементы. Я не возражал; и не такое, как говорится, могу выдержать.

Суть же вопроса была следующей: Борис написал детективный боевик, мы попробуем его напечатать (что в те, уже «смут-

ные» для книгоиздания времена было определенным финансовым риском), а моя задача — отредактировать текст. Еще Борис поведал, что показывал до нас рукопись в некоем московском издательстве, и...

- Ты представляешь! рыкнул он. Эти мрази (в оригинале было покруче. O.K.) сказали: «Мы согласны взять вашу вещь и заплатить миллион (неденоминированных. O.K.) рублей, если забудете, что вы ее автор». А вот хрена! Чуть не врезал тому сучонку, забрал свою папку и ушел.
 - Но ты учти, предупредил я, у нас миллиона не получишь.
- А и не надо! мотнул он головой. Сколько дадите, столько и дадите. Но это должна быть моя слышишь? м о я! книга. А миллионы... Миллионы еще будут. Главное сейчас издать «Завещание...». И между прочим, я уже пишу второй роман, «Наемник», и на третий руки чешутся. Ладно, чего зря базарить. Рукопись-то глянь...

Я «глянул». Минут двадцать полистал по диагонали. Тогда в России еще не в ходу был термин «экшн», но это был самый что ни на есть «экшн из экшнов»: столь головокружительного, насыщеннейшего действия, действия и еще раз действия я не встречал ни у одного не то что отечественного, а и даже западного автора. Лихо закрученный сюжет, стремительная смена «кадров», обилие диалогов, широчайшая география событий и — просто масса, масса драк и трупов! Текст был очень «кинематографичен», затягивал, заставлял читать дальше, но и в то же время, на мой взгляд, несколько схематичен, сух, бедноват на психологические мотивировки поступков героев. Ну и некоторые другие, чисто профессиональные замечания. Так я Борису и сказал, на что он усмехнулся: «Ты ж редактор, вот и делай как надо. А моя задача — писать!..»

Он уехал, и я взялся за «Завещание...». Сначала пытался править по машинописи, но почти сразу же бросил: слепой шрифт, узкий интервал между строками, хлипкая уже бумага. Водрузил на стол электрическую «Ятрань», положил сбоку рукопись Бабкина, и — погнал!.. Сюжет романа вкратце таков: умирающий в тюрьме старый зек рассказывает своему выходящему на свободу молодому товарищу о зарытом где-то на просторах Якутии золотом кладе и дает «инструкцию», как до этого золота добраться. «По ходу пьесы» к охоте за кладом подключаются самые разные конкурирующие преступные группировки, ну и — см. выше: уголовные разборки, погони, жестокие схватки и многочисленные убийства...

Правил я «Завещание...» достаточно долго — четыре с половиной месяца. Потому что, во-первых, текст был объемным, порядка 25 авторских листов, а во-вторых, вел же еще и другие рукописи. И вот по мере, так сказать, погружения в материал я все больше ощущал, насколько близко автор знаком с самыми глубинными и темными реалиями жизни преступного мира. А поскольку Борис теперь приезжал часто, чуть ли не каждую неделю — ну не терпелось ему поскорее увидеть свое детище напечатанным, — то общались мы все плотнее, и постепенно узнал я о нем очень и очень многое...

Пожалуй, рискну заскочить вперед, но скажу следующее: когда накануне и сразу же после выхода «Завещания...» в нашей областной прессе стали появляться первые публикации о Бабкине, я сразу заметил в них и биографические разно-

чтения, и порой абсолютные нестыковки с тем, что тот рассказывал о себе мне. Указал Борису на это, а он лишь поморщился: «Слушай, если выдам журналистам всю правду, по ночам спать не будут. И на хрен мне это надо? Да и никому это не надо. Ты знаешь больше, но тоже далеко не все. И незачем тебе знать все...» Ая, в общем-то, никогда его специально ни о чем таком и не расспрашивал. Мы, повторюсь, просто общались, хотя, кстати, иногда он довольно жестко предупреждал: « ${f A}$ вот это, смотри, не для печати». «Да я вроде писать о тебе и не собираюсь», —

пожимал я плечами. Он ворчал: «Ну, мало ли...» Вот, получается, напророчил. Но зато мне точно известно, что писать можно, а о чем лучше не стоит... Борис Николаевич Бабкин родился 15 ноября 1953 года в Ленинграде. Когда ему было четыре года, семья переехала на жительство в Магаданскую область. Учился в школе; лет в $13{ ext{-}}14$ принял участие в объявленном молодежной газетой

литературном конкурсе и даже получил премию — аж целых пять рублей! А еще он стал заниматься борьбой — сначала нашим классическим советским самбо, а случайно познакомившись с пожилым уже китайцем, великолепным мастером не очень широко распространенного, но очень эффективного стиля единоборств сан-чин-до, целиком сосредоточился на постижении секретов этого боевого искусства и немало в том преуспел. После школы Борис поступил в десантное военное училище. Учился прекрас-

Даже не дожидаясь окончания им училища, начальство направило Бабкина в одно из элитных спецподразделений. Конечно же, ас-рукопашник, умеющий, как он выражался, стрелять из всего, что стреляет, и управлять всем, у чего есть руль, был ценнейшим кадром для соответствующих служб. Борис участвует в целом ряде спецопераций (на самых разных континентах), выполняет со своими боевыми товарищами секретные задания, и... И вот — 1979 год, Афганистан. Штурм дворца

но, что и немудрено: по собственному признанию, всегда хотел стать офицером.

Амина. Затем — война, тяжелое ранение, долгие и мучительные месяцы в госпиталях. После выздоровления — снова в строй. И вдруг...

Как сейчас вижу туго стиснутые челюсти и набрякшие желваки Бориса. — Я совершил воинское преступление... — глухо выдавливает из себя он. —

Какое, тебе знать ни к чему. — Повторяет уже слышанное мною ранее: — Спокойнее спать будешь... Ну а потом — арест, лишение всех званий и государственных наград, в том числе и весьма высоких. Ждал трибунала... Но однажды меня перевозили из одного места в другое, и я сбежал. Замочил конвоиров и сбежал... Да

нет, не убил, а просто вырубил. И «бегал» я по стране около двух лет... Как с катушек слетел — грабежи, налеты на сберкассы, иные денежные «объекты». Пол-Союза отгастролировал: от Киева до Новосибирска. Уже настоящая охота за мной шла, и наконец повязали менты в Ярославле...

После отвезли в Москву. Началось следствие, допросы и... ну да, были и пытки. Но чаще — просто били. Хотя били так, что казалось, уж лучше смерть... Чуть бижутерия, макияж — все при всем, просто фотомодели! Переодеваются — и в подвал, «на тренировку»... Мужики не так били, а эти, твари, злые как собаки, ни капли жалости. Мочили, пока сознание не потеряешь. Отольют водой — и поновой. Кричи, не кричи — бесполезно (да и кто из подвала услышит-то?), завязывали только когда сами уставали, овчарки...

Ну а потом был суд и приговор. Срок Борис получил немалый — и пошел по зонам особого режима... Нелегко было там бывшему офицеру, таких в уголовном мире не любят. И приходилось Бабкину буквально отвоевывать свое право на хотя бы относительно (если только это слово здесь вообще применимо) нормальную

базарнешь не по теме — карцер или грабли под потолок... Это у них метод такой излюбленный был: подвешивают в подвале за руки к потолку и долбят как грушу боксерскую, тренируются, суки... И знаешь, хуже всех были... бабы, сотрудницы, твою мать, органов внутренних дел!.. На работу приходят в мини-юбочках;

мире не любят. И приходилось Бабкину буквально отвоевывать свое право на хотя бы относительно (если только это слово здесь вообще применимо) нормальную жизнь по ту сторону решеток и колючей проволоки. Отвоевывать железным характером и кулаками. На одной из зон в результате какого-то конфликта он неслабо «поломал» авторитетных сокамерников. Базар! Кипеш! «Погонники наших бьют!..» А на той зоне сидел знаменитый вор в законе Вася Бриллиант. «Обиженные» — к нему: надо, мол, разобраться, что за беспредел! Бриллиант выслушал обе стороны и, ткнув пальцем в Бориса, вынес вердикт: «Прав он. И чтоб больше его никто не трогал...»

мирском централе он «вспомнил молодость» — снова начал писать (ну, так, от скуки и для развлечения) какие-то занимательные рассказы. Очень благодарными слушателями были соседи по камере, а вот тюремщики — не очень. Ознакомившись с текстом Борисовых вариаций по мотивам тургеневской «Муму», где хитрая и умная собачка Муму во всевозможных ситуациях издевалась и выставляла в комичном и позорном свете тупого дурака-опера Герасима, надзиратели отделали автора по полной программе...

Но даже плохое когда-нибудь заканчивается. Бабкин освободился в 1988 году,

В заключении Бабкин провел долгих восемь лет. Кстати, в знаменитом Влади-

без права проживать в городах (как «особо опасный»); на первое время поселился в деревне в Тамбовской области... (Я, многоуважаемые читатели, сделаю оговорку: мне известны в общих чертах непростые (опять непростые!) перипетии личной жизни Бориса, но я не считаю себя вправе писать об этом. А потому и не буду.) Через год он переезжает в город Грязи Липецкой области и начинает работать экспедитором кинодирекции, которая, увы, вскоре приказала долго жить. Занялся было разведением пчел — те погибли, отравленные «опылением» с вертолета. А поскольку брать на работу человека с такой анкетой желающих не находилось, Борис занялся нелегальным «бизнесом» — охранял (а может, и крышевал) местных коммерсантов, полуподпольно вел секцию рукопашного боя...

Вообще, мне кажется, что именно житейская и бытовая (обитал в тесной развалюхе) безнадега в чем-то и подтолкнула Бориса взяться за перо. Человек, несомненно, литературно одаренный и с уникальнейшим, пусть и со знаком «минус», жизненным опытом, он, конечно, тогда озлобился, не находя возможности официального применения собственным силам и способностям и будучи вынужден порой зарабатывать на жизнь своими криминальными талантами. А с другой стороны — начав писать (писал же очень быстро, когда «накатывало» — сутками не отходил от стола), он просто поставил все на кон: пан или пропал! Часто жил впро-

отходил от стола), он просто поставил все на кон: пан или пропал! Часто жил впроголодь, из одежды — лишь камуфляжная форма, кожаная куртка и берцы... Он писал, писал, писал — и надеялся «пробиться», вырваться из военного и уголовного прошлого в мир нормальных реалий и людей. И фигурой он был, конечно, трагической. От него просто веяло постоянной тревогой и напряжением. Никогда не садился спиной к двери, точно в любой момент ожидал опасности. И улыбка —

простая улыбка, а не усмешка, ухмылка или гримаса — стала изредка появляться на его лице, наверное, только месяца через два-три после первого прихода в издательство. И знаете, я убежден, что именно издательство, а вернее, работавшие в нем люди

во многом способствовали постепенному «оттаиванию» Бориса и его «возвращению» в нормальный мир. Он не раз жаловался, что в Грязях по-человечески оди-

нок. «Грязи, — вздыхал, — это, в натуре, "грязи"...» У нас же он начал общаться, разговаривать на самые разные темы с сотрудниками (редакторами, художниками, корректорами, а точнее — корректоршами) и гостями ЦЧКИ — писателями,

поэтами, журналистами. Помню, кстати, пару его довольно бурных (в хорошем смысле слова) дискуссий с Вячеславом Дегтевым и не только с ним. Ну а дамы

наши усаживали Бориса пить чай, чирикали над ним и даже насильно кормили. И куда деваться — ел, хотя чаю всегда предпочитал крепчайший чифир. А незадолго до выхода «Завещания...» в свет мы организовали целую «реклам-

ную кампанию» будущей книги: интервью с автором Льва Ефремовича Кройчика в «Воронежском курьере», в котором Бабкин абсолютно серьезно заявил, что через несколько лет станет одним из самых известных писателей России (мне он, кстати, не раз говорил, что напишет 44 романа, а потом «завяжет»); весьма комплиментарный материал о Борисе Елены Кравченко в «Утре»; беседа о грядущем бестселлере с автором этих строк в воронежском вкладыше «Аи Φ » и проч. Плюс тележурналист Николай Колтаков снял отличный сюжет, показало который не только воронежское, но и Центральное телевидение: на живописнейшем природном фоне — в районе Белой горы, «с видом на море» — Борис рассказывает о сво-

ей книге, ну и мы с Леной Кравченко там «бэк-вокалистами»... Да еще «сарафанное радио»!.. Короче, в Воронеже «Завещание...» уже очень сильно ждали. (Кстати, нам с Чекировым, хоть и не без труда, но удалось все же убедить автора сократить название, убрав «деньги», «золото» и «любовь».) Ждали — и наконец дождались! В июле 94-го «Завещание на жизнь и на смерть» увидело свет... Радость Бориса была неописуемой! Он приехал на несколько дней, и все эти дни (получив гонорар) гусарски широко праздновал выход книги. А сколько он начертал автографов! Ясно, что всем сотрудникам ЦЧКИ, да еще и потянулся народ с других этажей Дома печати. Один я заставил Бориса подписать десятка пол-

замахался уже в натуре, но я-то видел, что он жутко доволен. От избытка чувств и в знак признательности предложил Чекирову грохнуть какого-нибудь его недоброжелателя, от чего тот вежливо отказался. (Мне он к тому времени делал подобные предложения уже, наверное, раз десять, хотя, впрочем, с оговоркой: «Но учти: на "мокруху" не пойду, а вот просто "поломать" кого-нибудь — только свистни, не стесняйся». Но я как-то постеснялся и ни разу, такой-сякой неблагодарный,

тора книг для друзей и знакомых. Он в какой-то момент даже начал ворчать: мол,

не свистнул.) Кстати, упомянутое уже «сарафанное радио» в случае с Борисом сработало на

все сто процентов. В районе, где я жил (а он частенько ночевал у меня), образовался чуть ли не мини-клуб фанатов Бабкина — просто очумевших от его книги парней определенного склада характера. Когда же познакомил с Борисом пару наиболее «романтично» настроенных из них, те едва не упали в обморок от счастья, и через десять минут на лоне природы разыгрался весьма недурственный, надо за-

метить, банкет. И мне, грешному, досталось погреться в лучах бабкинской славы: местные хулиганы и колдыри при встрече едва ли не вытягивались во фрунт и грациозно раскланивались: «Здрасссьте...» Но вообще-то Борис подобную публику («бакланов») не особо жаловал — так,

терпел из вежливости. Помню, шли мы к моим родителям (частный сектор в районе «Динамо»), и из-за угла вывалился, чуть теплый, один из приятелей юности с но — на всю жизнь остались следы от швов и ниток. И с криком «Какие люди!» Гена «облобызался» со мной, а следом, возопив: «Сколько лет, сколько зим!..», пал на грудь Бориса. До того расчувствовался, аж пустил слезу. А Бабкин поверх

красноречивой кличкой Нос. Когда-то ему в драке... откусили кончик носа, а врачи этот кончик оперативно пришили на место. Оперативно, но не очень аккурат-

его макушки возмущенно уставился на меня, буркнув: «Грохнуть?» — «Да ты что!..» — Я с трудом разлепил их: «Иди, Гена, иди...» Борис проводил его долгим сердитым взглядом, а потом скривился как от горчицы: «Ну, сударь, и друзья у

вас!..» Зато перед родителями он предстал эталоном галантности. Прищелкнув каблуками, поцеловал матери ручку, обменялся любезностями с отцом и с полчаса вел с ними «светскую» беседу. И хотя был он учтив до невозможности, выражение лиц родителей в те полчаса живо напомнило мне эпизод знакомства Егора

Прокудина с отцом и матерью Любы в шукшинской «Калине красной». И даже невзирая на то, что при прощании Борис был еще любезнее и оставил на столе свою книгу с автографом: «Ольге Николаевне и Митрофану Васильевичу. У Вас отличный сын, а посему — родителям моего друга от автора. Б. Бабкин», мать позвонила вечером и каким-то слабым голосом попросила: «Сынок, я все понимаю, но ты уж, пожалуйста, таких друзей больше не води...»

будете?» Я пошел к директору издательства Свиридову, но тот испуганно замотал головой: «Да ну его!.. И сам прекращай с бандитом этим дружить. Мне про него компетентные товарищи такое говорили...»

А месяца через два Борис приехал и сказал: «Закончил "Наемника". Печатать

Разумеется, Бабкину я передал только отказ по «Наемнику». Он пожал плечами: «Пожалеете еще». Как в воду глядел...

Да, надо заметить, что слава славой, а финансовое положение Бориса после выхода «Завещания...» особых изменений не претерпело. И («Жрать-то надо!») —

он взялся за старое. За деньги снова стал участвовать в каких-то криминальных разборках, «наездах», «стрелках». Иногда приезжал с оружием. Достанет пистолет — «Спрячь пока». Один раз достал гранату. Я возмутился: «Совсем рехнулся! Куда я ее дену? Рванет еще!» Успокоил: «Не будешь трогать, не рванет». А уезжая на следующий день, про гранату забыл. Так я и прожил неделю, до следующего его визита, с «лимонкой» в кабинете. Но правда, остался у меня от тех времен Борисов «презент». Рассматривая как-то пистолет, услышал: «Извини, подарить не могу». «Да на что он мне, — говорю. — И вообще, не люблю огнестрельное оружие, холодное люблю». «Не базар, — кивает. — Нож подгоню. Или типа тово».

А еще Борис порой на два, три, четыре месяца вербовался в «дикие гуси» — в самые разные «горячие точки» ближнего и дальнего зарубежья. Бывало, возвращался оттуда прихрамывая, а то и с перевязанной рукой или даже головой. В от-

«Подогнал». «Типа тово».

вет же на мои увещевания завязывать с этим делом зло зыркал глазами: «Я умею только воевать и писать! Но раз писанина моя на хрен никому не нужна, приходится воевать. Ты лучше думай, куда "Наемника" пристроить...» И неожиданно «Наемником» действительно заинтересовались. У меня был зна-

комый бизнесмен-многостаночник, который чем только тогда не занимался. В том числе и издательской деятельностью, которая в конце 1980-х — начале 90-х сплошь и рядом была «пиратской» или в лучшем случае «полупиратской» (не имею здесь в виду государственные издательства). И сам я несколько лет «пиратствовал» вместе с ним: он давал подстрочники переводов романов Пратера, Чандлера, Агаты Кристи, разумеется, Чейза, ну и прочих западных детективщиков, я их «литобрабатывал», а он потом издавал. И вот, прочитав «Завещание...» и узнав о

существовании «Наемника», этот товарищ загорелся идеей его напечатать. В моем

кабинете он встретился с Бабкиным, обговорили условия, ударили, так сказать, по рукам, и... И дня через два-три вдруг телефонный звонок. И — голос того бизнесмена в

трубке. Непривычно тихий, дрожащий: «Юр... у меня... украли жену... Ты не мог бы вызвать Борю?..» Я «вызвал», сообщив вкратце о произошедшем, и на следующее утро Бабкин

ввалился в мой кабинет с весьма кислой и скептической миной на лице: «Юрк, а

ты уверен, что этот фраер нам нужен? Я «пробил» информацию по нему — весь в долгах как кобель в репьях. — Помолчал — и выдал: — И бабу его знаю, кто взял и где держат. За долги ее и цапнули... Ну? Подпрягаться?» Я развел руками: «Слушай, тебе решать...»

Вскоре пришел тот друг. Бледный, руки трясутся... Ну, в общем, упросил он

Бориса помочь, клялся, что издаст «Наемника». На следующее утро Бабкин снова появился в издательстве. Я изумленно выта-

ращился на него: «Ты к нам как на работу! Какие-то новости?» — «А какие тебе

еще нужны новости? Она дома». «Кто?!» — изумился я. «Кто-кто? Баба того фраера». — «Уже?!» — «А чего тянуть? Адрес же я знал — хата в одном из сел вашей

области. Взял ночью три машины своих боевиков и рванули. Подъехали, выломали дверь, грохнули ту бригаду, я девку из чулана вытащил, сунул в тачку — и в Воронеж. Тормознул на Левом берегу: «Иди». — «К-куда?..» — И зенками хлопхлоп. «На хрен! — разозлился я. — Домой иди, дура!» — «С-спасибо...» — И раз-

ревелась. Я вытолкал ее на тротуар, а сам по газам. Вот и все...» ...Благодарил «тот фраер» Бабкина чуть ли не на коленях, но... Но «Наемника» так и не издал. Обещал-обещал несколько месяцев — и Борис в конце концов махнул рукой: «Завязывай с ним базарить. Без понтов, он в натуре голый...»

А через некоторое время в моем кабинете — звонок. Снимаю трубку: — Слушаю.

На другом конце провода очень вежливый молодой мужской голос:

— Юрий Митрофанович?

— Да.

— Здравствуйте. Это вас некий Вася Пичул беспокоит. Кинорежиссер. Может, слышали про такого?..

Я чуть не захлебнулся «беломорным» дымом — «слышали»?! Да кто ж тогда не слышал о режиссере главной кинобомбы эпохи конца СССР! Да он же еще и «В городе Сочи — темные ночи» снял. Триумфа «Маленькой Веры», конечно, не по-

вторил, но фильм достаточно оригинальный... — З-здравствуйте... — пробормотал. — Ко-нечно, слышал, очень приятно...

В общем, в ходе разговора выяснилось, что какими-то путями — признаться, уже забыл, какими, — до Василия дошла информация о том, что в Воронеже появился весьма неординарный писатель, и режиссер попросил у меня книгу Бориса на предмет, так сказать, ознакомления с текстом — а там, глядишь, чем черт не шутит, и написания совместно с Бабкиным сценария и, не исключено, съемок

фильма. Я предложил Пичулу прислать «Завещание...» почтой, но оказалось, что в Воронеже живет его двоюродная сестра, она и заберет у меня книгу и отправит в

На следующий день пришла красивая молодая девушка (имени, увы, не помню). Ее, как и брата, тоже очень интересовала личность и судьба Бориса. Ну,

рассказал о нем что счел возможным, дал книгу. Через какое-то время снова позвонил Василий — мол, хотелось бы теперь пооб-

щаться с Бабкиным. Тот приехал, они поговорили по телефону, а дальше... Забегая вперед, скажу, что уже потом они встречались в Москве, вроде строили совместные планы, но на тот момент там ничего толком не сложилось. Борис как-то в ответ на мой вопрос в свойственной ему манере махнул рукой: «Да ну его на хрен!..»

Однако же позже жена Пичула Мария Хмелик написала, совместно с Борисом, сценарий сериала «Небо в алмазах», и этот многосерийный телефильм увидел свет в 1999 году. Признаюсь честно: я его не смотрел и потому понятия не имею, какие

в 1999 году. Признаюсь честно: я его не смотрел и потому понятия не имею, какие произведения Бабкина и в каком, так сказать, образе легли в его основу. Но вернусь обратно в 1995 год. Прошел месяц-другой, и вдруг...

Но вернусь обратно в 1995 год. Прошел месяц-другой, и вдруг... И вдруг на меня выходит — сначала звонит, а потом приезжает... директор

московского издательства «Локид» по имени Николай и просит связать его с Бабкиным. Наша книга и «воронежская слава» Бориса докатились до столицы, и Николай готов издать «Завещание...» в своей достаточно уже раскрученной серии «Современный российский детектив». А узнав о существовании «Наемника», обрадовался: «Да мы и его издадим!» На следующий день приехал Борис, и они с Николаем обо всем договорились, а

обрадовался: «Да мы и его издадим!»

На следующий день приехал Борис, и они с Николаем обо всем договорились, а я выцыганил у Свиридова «вольную» для «Завещания...» — там же стоял «копирайт» ЦЧКИ. Сначала тот, правда, заартачился: «Бесплатно?» «Да мы копейки ему заплатили! — говорю. — Чего ж человека на крючке держать, как собака на сене!» Убедил. Да, кстати, во время разговора Николай (в прошлом майор милиции) с Бабкиным выяснили, что когда Бориса в начале 80-х «брали» в Ярославле, Николай был среди тех милиционеров, от которых Борис отстреливался на ярославском вокзале. Господи, как же крепко они обнимались, прямо как встретившиеся после долгой разлуки братья...

Ну и завертелось колесо! Очень скоро в «Локиде» вышло «Завещание...» (часть гонорара, несмотря на протесты, Борис просто насильно всучил мне), потом — «Наемник», а потом — понеслось!.. За три-четыре следующих года на книжных прилавках появились «Наемник-2», кажется, четыре (под номерами) «Ожерелья смерти», другие романы с не менее «страшными» названиями, которые Борис регулярно привозил мне и которые мы, соответственно (а куда денешься), «обмывали». На гонорар от «Наемника» он купил свою первую машину — «Москвич-2141», но та долго не прожила — сгорела на одной из автотрасс области (пуля попала в бензобак) во время каких-то разборок — некоторое время Борис еще слегка потряхивал стариной. Потом он купил «девятку»-«Ладу» и стал ездить в Воронеж и Москву на ней. Постепенно преображался и внешне: «камуфляж» сменила «джинса», а когда летом 99-го он с гарканьем «Равняйсь! Смир-рна!» шагнул в мой кабинет в «тройке» и галстуке, я чуть не свалился со стула. Смущенно пояснил: «Да вот еду на какую-то долбаную тусовку, велено быть при параде». «Ну правильно, — говорю. — Ты ж теперь светский лев, должен соответствовать». — «Ага, блин, лев, только сбруя эта совсем задолбала на хрен!..»

Да, чуть не забыл! Я за многое благодарен Борису, но главное — за то, что он буквально заставил меня написать два детективных романа: «Черный Скорпион» и «Возвращение Скорпиона». Едва только у Бабкина «пошла масть» в «Локиде», он начал меня доставать: «Ну что ты хрень всякую катаешь — «мистика», «фантастика»... Ты боевик или детектив напиши, протолкнем у Николая. Давай сюжет подброшу...» Но я гордо отвечал, что сюжетов чужих мне не надо, а детективов и тем паче боевиков писать не собираюсь. Но Борис не унимался и постоянно бухтел: «Пиши детектив, пиши детектив...» И, представляете, добухтелся: в некий момент в мозгу моем как что-то щелкнуло, и я понял, что х о ч у написать детектив. И написал «Скорпионов», которые, замечу, и с чисто фактурной стороны стали возможны во многом благодаря моему близкому знакомству с Борисом Бабкиным. Когда в 2000-м романы увидели свет в «Эксмо», он довольно улыбнулся: «Ну, зашибись, взялся наконец за ум...»

в «Эксмо», а через какое-то время, кажется, снова в «Локиде». По личным обстоятельствам Борис переехал из Грязей в город Кирсанов Тамбовской области. В последний свой приезд (по-моему, в 2002-м) он выглядел каким-то усталым, замотанным. Прощаясь же, сказал: «Знаешь, а самое лучшее время было тогда... — Вздохнул: — Было, да сплыло... Не было денег, да и на хрен бы они были нуж-

Но больше мы не виделись. Он звонил еще пару раз, а потом — навсегда исчез

У него же выходили все новые и новые книги. Теперь еще и в Питере, потом —

из моей жизни. От общих знакомых я слышал, что Борис перебрался в Питер, а где-то с середины 2000-х печатался только в издательстве «АСТ». Не знаю, написал ли он обещанные 44 романа, но что их вышло более 30, это точно. Как точно и то, что он стал одним из самых известных авторов криминального жанра в России...

...Борис Бабкин трагически ушел из жизни 26 сентября 2011 года, а я случайно узнал об этом лишь пару лет спустя. И почему-то тогда... перечитал «Мартина Идена».

Ушел человек, оставивший очень яркий след в моей жизни и словно оставивший мне свое... завещание.

«Завещание на жизнь и на смерть»...

ны... Ладно, еще свидимся...»